

Владимир ЦАРИЦЫН *не* БРАТЪЯ ПО КРОВИ

триллер

@ЭЛИТА

16+

Владимир Царицын
Братья не по крови

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Царицын В.

Братья не по крови / В. Царицын — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Герои повести – солдаты удачи, для которых война – обычная работа. По разным причинам и с различными способами вербовки они попадают в спецотряд, где якобы проходят переподготовку уволенные в запас военнослужащие для дальнейшего участия в спецоперациях российских вооруженных сил. На самом деле, этот спецотряд – одна из секретных баз международной террористической организации. Раскрытие российскими спецслужбами одной из таких баз заставляет руководство организации произвести зачистку – обрубить концы. Узнав про это, бойцы пытаются сбежать, но их плотно преследуют. Погони, перестрелки, драки следуют одна за другой. Не всем героям удается выжить в смертельной битве, но, несмотря на перевес сил не в их пользу, они побеждают. Потому что они не только профессионалы, они – братья не по крови. В самый разгар драматических событий происходит неожиданная встреча двух персонажей, двух абсолютно разных по образу жизни людей. Один – сугубо гражданский человек, ни разу не державший в руках оружия. Для другого умение убивать – профессия. Но парни очень похожи друг на друга внешне. Братья ли они? На этот вопрос может однозначно ответить генетическая экспертиза. Но окончательное решение – считать себя братьями при любом вердикте генетиков либо разойтись в разные стороны и забыть друг о друге – за ними.

Содержание

Глава 1. Хохол	6
Глава 2. Планы на отпуск	15
Глава 3. Рэбэ	23
Глава 4. Андрей	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Царицын

Братья не по крови

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Хохол

Второй пережат прошли с трудом. Как всегда, впрочем. Но особенно тяжело было Лося – для него это не просто второй пережат на маршруте, для него это вообще второй пережат. Его и через первый-то волочь пришлось, чуть ли не на закорках. А второй... Смыло Лося с пережата, и в омут. Он, придурок, не по центру пошёл, а с краю, думал, небось, там течение слабее. Ан, нет. Это ниже пережатов речушка в ширину расходится, там понятно – у берегов течение меньше. Но глубина больше. В некоторых местах – с головкой. Не усмотрел Рэбэ, он Лося страховать должен был, как самый опытный. А Рэбэ Хоббит отвлек. Тоже хорош! В спецотряде не первый месяц (второй!), а ногу о камень подводный расшибить умудрился. Заорал, словно ему в жопу семидыр забрался! Семидыр – рыба такая, на змею похожа, по-культурному – минога. Рэбэ к Хоббиту, а Лось к берегу, а там зубарь огромный. Хвостиком махнул, и нет Лося, только пузыри из омута. Откуда только этот зубарь взялся? Самое начало августа, до нереста кеты недели три ещё.

Выловили Лося из ямы, из лёгких на камне воду выдавили и амуницию его меж собой распределили. Вещмешок с песком, естественно, Лося самому тащить. Два «балласта» и Гуин-плен не унесёт. Если бы они сухие были, тогда ещё ничего, ещё как-нибудь, но те, что в воде побывали – что там Гуинплен, это самому Японцу не под силу. После второго пережата у всех «балласты» мокрые были, даже если бы Лося из омута добывать не пришлось. Даже у Гуин-плена. А впереди с километр пути, да ещё один пережат, третий, и последний, слава богу!

Нахлебался Лось мутной речной водички, Хоббит похоже мизинец на правой ноге сломал, а отплёвываться да ойкать некогда, вперёд надо. Время, как говорится, не ждёт. Умри, но задачу выполни. Условия, твою мать, приближённые к боевым. Если по нормативу в срок не уложимся, Японец нас минимум неделю по этой речушке гонять будет. С увеличенным «балластом».

Мне лосёвый калаш достался. Муляж, но тяжёлый, зараза! Как настоящий. Рэбэ мне его как награду вручил. Доверяю, говорит, тебе, Хохол, «боевое» оружие нашего младшего товарища. Смотри, говорит, не утопи. А утопишь – перед Японцем защищать тебя не буду. Вместо Лося, говорит, дополнительно тренироваться будешь. Ну, Рэбэ! Ну, гад! А ведь вместе под Гудермесом чичей гробили. Вернее, сначала они нас, а потом уже мы... Друзья, можно сказать! Это он мне по-дружески. Принимая из рук старшего автомат, я споткнулся взглядом о гадкую ухмылку Гуинплена. Привык вроде бы к его застывшей гримасе, стараюсь не замечать, но замечаю. Вот, блин! Работать надо над собой.

Себе Рэбэ тесак взял и лопатку, Гуинплена вручил флягу, подсумок с рожками и арбалет. Хоббиту, приняв во внимание его нездоровую тягу к травматизму, Рэбэ доверил тащить герметичную аптечку. Пообещал: если ещё что сломаешь – голову оторву! Рэбэ, если его разозлить – может. Он и мне оторвёт, не задумываясь, не отвлекаясь на воспоминания о Чечне, Ингушетии и Дагестане.

Рэбэ – наш старшой, старший в группе. Званий у нас нет. Вернее они есть, но гордо называться капитанами или майорами, а кто и просто сержантом, как я, мы сможем только в том случае, если нас из спецотряда попрут. В спецотряде званий нет, только клички. Даже у командира спецотряда кличка – Носорог. Вообще-то он не командир отряда, он – куратор. Поговаривают, что таких спецотрядов у Носорога несколько. Своим присутствием в лагере он нас не балует, постоянно гоняет на вертушке туда-сюда. За себя то Японца оставляет, то Химику, но чаще Японца. Никто не знает, какое у Носорога имя, какая фамилия, какое звание. По возрасту, Носорог на полковника тянет, или на генерала. А имя ему бы нерусское подошло

– Витас, какой-нибудь, или вообще Джон. Он даже говорит с небольшим акцентом. Носорог, он такой... ну, да ладно. Будет ещё время, расскажу. Идти надо.

Шли парами: первая пара – Гуинплен и Лось. Лось кашлял, как чахоточный. За ними – я с Хоббитом. Рэбэ один, сзади. Идти по каменистому дну нерестовой речки по пояс в воде – занятие не из лёгких. Да на время. Да когда помимо всего прочего, чем обычно врага уничтожают, тащить на себе вещмешок, наполненный песком! Это я вам скажу... жилы от напряжения лопаются. Ну, не лопаются – растягиваются. Мышцы после такого марш-броска как каменные.

Лося нам Носорог подкинул, взамен отчисленного Дуремара. Дуремар неудачно приземлился во время ночных прыжков на лес. Сломал обе ноги – правую в голени, левую в стопе. С такими травмами в отряд не возвращаются, если даже раны, как на собаке зарастают. Если даже прогнозы после выздоровления благоприятные. Тут принцип один: травму получил – значит, не место тебе в отряде. Склонность к травматизму в отряде недопустима. Ты не просто должен задание выполнить, ты ещё при этом должен выжить, желательно, не пострадать и сразу же должен быть готов к новому заданию. Устал – отдыхай на марш-броске, пока бежишь. Или в воздухе под куполом парашюта, пока к земле летишь...

Куда потом отчисленные курсанты деваются, никто толком не знает. Но не назад, не на гражданку. Это точно. Пути назад для каждого из нас нет. В какое-нибудь другое спецподразделение переведут. Где требования не такие высокие, ну, и сумма контракта, соответственно...

Лось – парень неплохой. Но скрытный. Мы в спецотряде все не особенно откровенные, потому, как в контракте пункт о неразглашении имеется. Чёрным по белому: никому и ничего и никогда не рассказывать – ни о себе, ни о других. Полная секретность и полный, я бы сказал, пипец. Но деньги хорошие обещаны. Я о таких бабках и не мечтал. Когда меня в военкомат пригласили на собеседование и в секретную комнатёнку завели, а из неё – в подвал, потом долго по коридорам конвоировали и, наконец, привели куда нужно, я ещё по дороге решил: идут-ка они в жопу! Что-то всё это слишком необычно и подозрительно. Я не первый контракт заключаю, третий. Не новичок, так сказать. Первые два заключал, обычным способом: написал заявление, прошёл медосмотр, прибыл на собеседование, ответил на пару вопросов военкома, подписал стандартный бланк договора – и вперёд, в Чечню. А тут? Прям, какие-то масонские прикормы, ещё бы глаза чёрной лентой завязали! Я им говорю: «Мужики! Я шпионом не пойду, мне бы чего попроще». А мне отвечают: «А мы тебе шпионом становиться и не предлагаем. Мы тебе предлагаем делать то, что ты очень хорошо делать умеешь. И не бесплатно». Я как сумму контракта услышал, решил, что ослышался. Скока, скока, спрашиваю. Ты не ослышался, отвечают. Прочитай контракт, говорят. Я прочитал. Две стороны: я, такой-то, такой-то, и ООО «Лютик-семицветик». Ну не «Лютик», конечно, просто название забыл. Почему ООО спрашиваю, почему ООО, а не МО? Так надо, отвечают, читай дальше. Читаю: переподготовка по программе «диверсионная работа» с выплатой жалования две тысячи баксов в месяц. После переподготовки – прохождение службы в спецподразделениях, каких, не сказано. Оплата – три штуки в месяц плюс премия по завершению каждой операции. Устраивает? Вполне. Подписывай! Подписал. А кто бы ни подписал? За такие бабки можно и помолчать, можно даже язык себе отрезать, чтобы соблазна не было трепаться. То, что я сейчас рассказываю, это ничего не значит, потому, что я и не рассказываю вовсе, а так, сам с собой мысленно разговариваю. Так легче норматив выполнять.

Лось... Как я уже говорил: Лось парень неплохой, но скрытный. Военную тайну разболтать – это преступление, это нарушение подписки, трибунал (или даже без него), пуля в затылок и никто не узнает, где могила твоя. Могилки-то у нас у каждого уже имеются. Кто там лежит, или пустые они – неизвестно, но могилки с надгробными плитами, на которых наши имена вырезаны, имеются. У меня, во всяком случае, есть, мне её на фотографии показывали перед

тем, как сюда отправить. А вот где нас похоронят, когда мы взаправду поумираем, этого никто не знает. Будет ли над могилкой надгробная плита, и какая там будет фамилия начертана?

Лось военную тайну не разболтает. Верняк! Его спрашивают: Лось, ты что больше любишь – котлету или отварное мясо? Молчит, смотрит подозрительно. Спрашивают: ты что – немой? Молча, головой помотает и всё. Что греха таить! Подписка подпиской, но мы ведь двадцать четыре часа вместе. Общаться как-то нужно. Мы и общаемся. Каждый о себе хоть какую-то информацию выложил, хоть что-то, но сболтнул. Лось – ни хрена! Ничего о нём не знаем – ни как звать, ни сколько лет, ни про боевой опыт. Может быть, ещё разговорится? Он только полторы недели в группе. Мы-то все уже по пять, а Рэбэ нас встречал, выходит, он ещё раньше здесь.

Рэбэ... Нет, о нём позже. На закуску, так сказать. Если бы мы не в спецотряде, где-то в другом месте кувыркались, были бы друзьями. Здесь, в спецотряде, дружба не приветствуется. Объяснение простое: а если выбор? А если нужно кем-то жертвовать? Кем-то одним? Или не одним? Командир отправляет подчинённого на смерть. Знает, что на смерть, но отправляет. Потому, что задача должна быть выполнена. Любой ценой. Отправлять на смерть человека тяжело. Товарища – совсем тяжело. А друга?

Это Носорог объяснял.

И вообще – после этой учебки нас по разным спецподразделениям распределяют. Возможно, друг с другом больше никогда и не встретимся...

Гуинплен... К Гуинплёну я отношусь плохо. Откровенно плохо. И не за то, что он сильнее меня, а за то, что ему нравится, что он сильнее меня. Он тащится от того, что сильнее. Это видно невооружённым глазом. А может быть, глаз у меня неприязнью зашторен? Инструктор по силовой подготовке, Японец (никакой он вообще-то не японец, больше на прибалта похож – белый, рослый, глаза, как у варёной рыбы), Гуинплёна всем нам в пример ставит. Ты, говорит, Хохол, на мясо налегай, с рыбы ты до Гуинплёна никогда не дотянешься. А я, грешным делом, и правда, мясо недолюбливать стал. После Чечни. Насмотрелся я на это мясо. Во всех видах – и сырое, и жаренное, и подгорелое. И с душиком, и свежак. После того, как вернулся оттуда, мясо совсем есть перестал. Странное дело – там тушёнку хряпал, только давай, а вернулся – как отрезало. Я кусок в себя, а он наружу. Позже чуть отошёл, стал колбасу понемногу потреблять. Колбаса – не совсем мясо, там мяса почти и нет. Потом котлеты... А здесь, на Востоке, рыбы – сколько хочешь, и какая хочешь. Ну, я и дорвался. Здесь рыба не такая, как дома. Здесь она наисвежайшая, без заморозки, за которой следует оттаивание и снова заморозка, и так несколько раз. Пока до сковородки доберётся – всё, что в ней было вкусного, ценного и полезного, всё улечучивается. Камбала здесь и та совершенно другой вкус имеет.

Отвлёкся...

Японец в нас силу развивает своим, особым, методом. Спортивных снарядов, тренажёров всяких в отряде полно, но мы на них не тренируемся. В свободное время – пожалуйста, если, конечно, силы ещё остались. А на плановых занятиях у нас тренажёры другие: стальные пруты, гвозди, железные пластинки разной толщины и длины, бетонные блоки и чугунные чушки, деревянные шпалы и фляги с водой. А порой в качестве тренажёра выступает речка Вонючка. Почему Вонючка? А хрен бы её знал!

По этой Вонючке мы и сейчас вверх по течению прём, рыбу пугаем. Гуинплен с Лосем впереди.

Железные пруты мы сгибаем и разгибаем, завязываем их в узлы, делаем из них кольца, спирали, вьём пружины. Руками.

Гвозди забиваем в доски без молотка и вытаскиваем их без клещей. Как? Руками, естественно. Вбиваем кулаками, вытаскиваем пальцами.

Железные пластинки сгибаем пальцами. Для каждой пары пальцев – своя толщина пластинки. Самая толстая пластинка – для большого и указательного, самая тонкая – для большого и мизинца. Потренируешься таким макаром, потом гвозди из досок, как из тёплого говна вытаскиваешь.

Для чего всё остальное – бетонное, чугунное и деревянное – тоже понятно. Поднимаем, таскаем, двигаем, в воздух подкидываем, на дальность бросаем.

Ещё есть глыба. Сколько она весит, неизвестно. Много. Больше тонны. Глыба – наше наказание. В прямом, не в переносном смысле. Если кто японские задания плохо выполняет, идёт на глыбу. Поднять глыбу нельзя, слишком тяжёлая. А вот с места сдвинуть можно. Мы сдвигаем.

Реже других у глыбы Гуинплен потеет. По двум причинам. Первая – Гуинплен легко выполняет все нормативы Японца. Вторая – Гуинплен любимчик Японца, и даже если у него случаются срывы или недолёты, Японец выпучивает свои рыбы глаза, отводит их в сторону и делает вид, что не заметил. И всё же Гуинплени приходится иногда двигать глыбу. Это происходит тогда, когда находятся сомневающиеся в том, что глыбу можно за раз сдвинуть больше, чем на сантиметр. Это я про новеньких.

В принципе, если объективно, Гуинплен – парень не злой и, что самое главное, не подлый. Особым расположением к нему Японца (да и других инструкторов) не пользуется – пашет наряду со всеми. Многие Гуинплена уважают, и пример с него берут. Моё отношение к нему – это моё отношение, я его никому не навязываю.

Гуинплен прибыл в отряд вместе со мной, в один день. Дуремар и Хоббит на следующий день появились, а с Гуинплениом мы вместе на вертолёте прилетели. Мне ещё там, в вертушке его усмешка не понравилась – левый уголок губ чуть-чуть вверх приподнят, самую малость, но заметно. А в жёлтых глазах – иголки. Позже я узнал, что губа кверху – это у него от ранения. Пуля-дура по скуле мазнула, скользом, но какую-то мышцу зацепила, порвала напрочь. Мышцу потом сшили, а уголок губ после операции вверх подпрыгнул. Шрамик, не сказать, давнишний, не побелел ещё... Ну, губы – ладно, а глаза? Жёлтые, кошачьи. Их колючесть ранением не объяснишь. Или пуля та разрывная была, а иголочки – это осколки от неё?.. И ещё у Гуинплена левый глаз дёргается, такое впечатление – подмигивает. Ранением Гуинплен в Ираке обзавёлся. Что он там делал? В Ираке? Это не наша война!

Я его спросил. Он не ответил, а иголки в кошачьих глазах ещё острее стали.

Про Дуремара и Хоббита рассказывать почти нечего. Оба спортсмены: Дуремар – боец (то ли каратист, то ли по боям без правил, панкратион называется), а Хоббит – боксёр и пловец. Пороха оба не нюхали. Дуремар из отряда выбыл, ну и будет о нём.

Хоббит военную науку с трудом осваивает. Огневая у него неважно идёт, рукопашка и поединки с применением подручных средств лучше. А вот с силовой подготовкой проблема. Мужик-то он здоровый. И выносливый. Но, видать, сухожилия слабоваты. Хоббит чаще других с глыбой тренируется.

Японец Хоббита не любит. Оно и понятно...

Подошли к третьему перекату.

Думаете, Японец нас на финише ожидает? Хрен там! Рядом идёт, по берегу. Наблюдает, материал для раздолбона собирает. Только его не видно. Его вообще в лесу увидеть невозможно. Понацепляет на себя всякой травы, рожу грязью измажет – где ты, Япоша? Нет его. Но появиться может в любой момент, откуда не ждёшь. По берегу идти – оно тоже не прогулка. Там кусты, переплетённые лианами дикого винограда, все в колючках. Ямы, овражки, поваленные деревья, корни, трава высокая (мы по сопкам тоже нормативы бегаем, знаем). Трудно сказать, чей маршрут труднее – наш или Японца? Само собой, Японец свой маршрут до миллиметра изучил, тропу себе пробил за долгое время. Но эту тропу простому человеку ни за

что не найти. Заросли, как заросли. А Японец, вернее ноги его, знают – куда нужно ступить, чтобы не запнуться, не провалиться, не упасть.

У третьего переката Рэбэ свистом приказал остановиться, но мы бы и сами остановились, если бы даже он не свистнул. Здесь Японец обычно подлянку ставил. Подлянка – специальная неожиданная помеха, каждый раз новая. То вдруг бревно, утыканное острыми шипами, на перекат вынесет, успевай уворачивайся, то вдруг трос, перетянутый по створу Вонючки, из воды резко поднимется и всех с переката сбросит, то перекат окажется перегороженным боном из колючей проволоки. Иногда комбинация подлянок. А то, бывает, ждёшь подлянку, а её нет. В этом-то ожидании подлянка и состоит.

Рэбэ Лося в хвост определил, мне взглядом страховать приказал. У Гуинплена автомат забрал, себе взял. Всю остальную его амуницию между всеми распределил. Гуинплен пошёл первым, Рэбэ с травмированным Хоббитом за ним, шагах в десяти, мы с Лосем замыкающими.

Прошли перекат. Я уже вздохнул с облегчением...

Правильно Рэбэ сделал, что Гуинплена первым послал. Когда «волна» пошла, Гуинплен от камней метров на двадцать уже отдалился, глубина средняя – по пояс. Но течение быстрое, «волна» высокая, а ухватиться не за что. Если бы не камни, нас всех у второго переката вылавливать бы пришлось. Мы к камням прилипли, как рыбы-прилипалы, как полипы – хрен оторвёшь (нас этому Японец учил)! Гуинплен удар волны грудью встречать не стал, не дурак (я бы тоже так поступил), весь воздух из лёгких выдохнул, нырнул, распластался на дне, как камбала, в каменистое дно вжался. Его, конечно, до самого переката проволокло. Но не ниже.

Когда метров на сто от последнего, третьего по счёту, переката отошли, каждый своё оружие и прочую поклажу взял. К финишу подошли, чуть ли не строевым, чуть не с песней. Японец сидел на камне, курил сигару и сплёвывал в воду. Он уже привёл себя в порядок – снял травяную маскировку, грязь смыл. Издали казалось, что камуфля на нём только что из под утюга – отглаженная и свежая, даже мокрых пятен под мышками не наблюдается. Посмотрел Японец на часы, хмыкнул (довольно), плюнул в Вонючку напоследок (харчок мимо меня проплыл), встал с камня и пошёл в сторону лагеря.

Норматив мы выполнили.

В лагерь возвращались молча, устали, как рабы на каменоломнях (помните американский фильм «Спартак»? С Керком Дугласом?), говорить ничего не хотелось. Курить хотелось. Мне, по крайней мере. Лося уже никто не страховал, он брёл, глядя себе под ноги и, как говорится, подметал языком землю. Глыба ждала Лося с нетерпением. Хоббит словно обрёл второе дыхание. Он даже не хромал. Сломан мизинец правой ноги или выбит, об этом можно будет узнать лишь тогда, когда он снимет гидрокостюм. Сейчас он разошёлся, боль позже придёт.

Я шагал за Гуинпленом и смотрел в его спину, просто так смотрел – тропинка узкая, по сторонам сплошная зелёная стена, не под ноги же смотреть, как Лось. Видимо Гуинплен почувствовал мой взгляд, обернулся и подмигнул. Глаз у него, видите ли, дёрнулся! В самый подходящий момент! Подмигивание жёлтым колючим глазом, вкупе с поднятым кверху уголком губ выглядело как подначка. Мне сильно захотелось дать ему в морду. Сдержался, только в сторону сплюнул.

Мордобой в спецотряде запрещён. За драку – разрыв контракта и немедленное отчисление из отряда без выплаты денежного пособия. Увечить друг друга нам разрешается на спаррингах. Спарринги проходят раз в неделю, по пятницам, чтобы за выходные мы могли зализать свои раны. Никаких делений на весовые категории, рост, возраст, длительность обучения в спецотряде. Никаких правил. Полный контакт. Мы не друзья, мы друг другу никто, поэтому в удары вкладываем всю свою силушку.

Но рефери есть. Это для того, чтобы мы друг дружку на смерть не забили. Инструктора по рукопашному бою (да, забыл сказать: применение подручных средств в спаррингах запре-

щается; спарринги с применением только учебные, пока только учебные) зовут Брюс, наверное, в честь знаменитого Брюса Ли. Наш Брюс, в отличие от артиста-каратиста, не китаец, а самый, что ни есть, хохол. Его знаменитое: «ну, шо, хлопцы, гоп до кучи!», когда он один выходит против трёх-четырёх курсантов, звучит несколько иначе, чем китайское мяуканье, и бьёт он сильнее и увесистее, чем его китайский тёзка. Судит наш Брюс справедливо, но по каждому пустяку в ход поединка не вмешивается, только тогда, когда действительно необходимо вмешаться – когда он видит, что одному из поединщиков приходит пипец.

Мы себе спарринг-партнёров не выбираем, всё решает жребий. Здесь неважно – в одной ты пятёрке с противником, или вы из разных групп. За прошедшие пять недель я бился четыре раза, первую пятницу нам простили, дали две недели на акклиматизацию. Мне повезло – со своими драться не приходилось пока. Хоть нас Носорог и дрючит по поводу отказа от приятельских отношений, хоть все инструкторы и читают нам нотации на тему «человек человеку – волк», мы ведь всё равно одна группа, одна команда. Вместе марш-броски бегаем, командно нормативы выполняем. Ведь в нормативах – оно как? Один сачканул или спёкся – всей группе баранка. С другими пятёрками мы почти не общаемся – «Привет – привет» – даже клички не все помним. Чужому по лицу ударить легко, даже некоторое удовлетворение испытываешь. А бойцу из своей пятёрки? Иные ощущения.

Но Гуинплону я бы в морду дал с удовольствием.

Думаю, он мне тоже.

А может быть, я наговариваю? И на Гуинплена, и на себя?

Первым, кого мы в лагере встретили, был Выкидыш. Носорог его Викингом окрестил, но какой он викинг? Он чёрный весь и волосатый, как обезьяна. Роста в нём чуть больше полутора метров (поперёк немного меньше). Он не толстый, он крепкий, как гриб боровик. В прошлую пятницу Выкидыш с Хоббитом бился, победил Выкидыш, хоть Хоббит и выше его на полметра. В гладиаторских боях рост не главное, тут главное тактика и расчёт. Ну и хладнокровие, конечно.

Почему Выкидыш? Из-за Брюса. Он кличку Выкидыша, «Викинг», на свой манер проносит – «Выкинг». Кто-то не расслышал, кто-то из новеньких, показалось «Выкидыш». Так и пошло: некоторые его Викингом называют, кое-кто Выкидышем. Выкидыш почему-то не возмущается. Ему по херу всё, мне кажется. У него, у Викинга-Выкидыша, в глазах какая-то грусть, обречённость какая-то. Не знаю за что, но я его уважаю. И мне почему-то Выкидыша жалко. Он добрый.

Выкидыш из первой пятёрки, но это ничего не значит. Первая она просто по номеру, чтобы Носорогу было удобнее график занятий составлять. Всего пятёрок пять, стало быть, нас здесь, пятью пять – двадцать пять. Всех нас сюда примерно в одно время доставили, всех одновременно и вывезут. Когда? Чётко озвученной даты нет. Срок обучения в спецотряде определён десятью-двенадцатью неделями, степень готовности инструкторы определяют. Куда? В спецподразделения российской армии? Хрен там! На объекты народного капиталистического хозяйства, я так думаю. У Министерства Обороны таких бабок, которые нам обещаны, нет. Вернее, бабки то есть, но чтобы вот так, рядовым боевикам-контрактникам – это вряд ли. Такие бабки только олигархи платить могут. Так что, скорей всего, из нас частных охранников для сильных мира сего делают. Или киллеров.

Вошли в лагерь. Наши прямиком в казарму, пёрышки чистить (Хоббит мизинец на ноге лечить), я к Выкидышу подошёл.

– Привет, Хохол, – первым поздоровался он.

– Здорово, Викинг.

– Курить будешь? – Выкидыш протянул пачку «Кента».

Я дрожащими пальцами вытянул одну сигарету. Выкидыш щёлкнул зажигалкой. Закурили.

– По Вонючке бегали? – спросил Выкидыш. Мог бы и не спрашивать. Видел, во что я одет.

– Угу. – Я мотнул головой.

– Что на этот раз на последнем рубеже?

– Волна.

– Высокая?

– Да так, – я неопределённо пожал плечами.

– Повторяется Японец, – грустно улыбнулся Выкидыш. – По всему видно – скоро дембель.

– Чё это? – удивился я. – Чё это видно-то?

– Торопятся, – пояснил Выкидыш. – Японец повторяется. В четвёртый раз одну и ту же подлянку устраивает. Овощи завозить в столовую перестали, одни макароны... Сегодня пятница, а спаррингов не будет.

– А *это* ты с чего взял?

– Носорог на вертушке улетел. А он, как ты знаешь, такого зрелища никогда не пропускает. Да к тому же Брюса и Пулю с собой захватил, так что, судить некому.

– Давно улетели?

– Минут двадцать.

Двадцать минут назад мы на третьем перекате с волной боролись, шума винтов не слышно было из-за рёва воды.

– Так, может быть, ещё вернутся? Редко, что ли, Носорог свои владения инспектирует? – пожал я плечами.

– Подрагаться хочешь? – усмехнулся Выкидыш. Я и, правда, хотел набить кому-нибудь морду, не Гуинплону, так кому другому. Но стыдно мне от того, что Выкидыш догадался про мою сегодняшнюю кровожадность не было. – Нет, не вернуться, – Выкидыш скорчил гримасу, выпятив нижнюю губу, и покачал головой. – На часы посмотри. Пять часов вечера. Но даже не в этом дело.

Выкидыш заговорщически огляделся по сторонам и, приблизившись ко мне почти вплотную, словно он пидор и хочет меня поцеловать, тихо сказал:

– Я краем уха слышал... – он снова огляделся. – Вроде бы нас расформировывать собираются.

Я удивлённо на него вытаращился.

– Носорог с кем-то по телефону разговаривал, когда я мимо его бунгало проходил. Он тихо разговаривал, но у меня слух хороший, я на подлодке Маркони был, три года океан слушал. Носорог про бабки говорил, я сначала подумал он про задержку нашего жалования. Нам уже неделю, как обещанные два кочана американской капусты выдать должны были. Минус аванс. Заинтересовался, естественно. Слушаю. А Носорог, он не о задержке, он о другом. Мол, кучу бабок на этих отморозков угрохали (отморозки – это мы, я так понял), легенды для каждого сварганили, кормили-поили их два месяца. А теперь что – не нужно стало? Всю программу сворачивать?

– Ну!

– А всё. Потом Носорог слушал того, кто на другом конце провода был. Потом трубку повесил. Я по-тихому слинял... Ха-ха-ха! Ну, ты даёшь, Хохол, – вдруг засмеялся Выкидыш. – Сколько же ты этих анекдотов знаешь?

Я не сразу врубился. Смотрю на Выкидыша, а он мне подмигивает. Понял: что-то Выкидыш уловил, какой-то звук. Слухач! Я тоже хохотнул, поддержал Викинга.

– Много! – соврал я. – А вот ещё один, – и принялся рассказывать бородатый анекдот про мужа, вернувшегося из командировки.

Вообще-то не мастер я по анекдотам. Не запоминаю их. А если какой помню, то рассказываю не смешно. Вот Хоббит – мастер. Рассказывает – уписаться можно.

Тут и я услышал: кусты зашуршали, и из них кто-то на поляну вышел. Японец. Кого ещё угораздит в колючих кустах шарабиться? Прошёл мимо нас, подозрительно так глянул. Мы козырнули, он кивнул. Интересно: слышал что-нибудь, о чём Выкидыш мне рассказывал? Если слышал – пипец. И Выкидышу и мне.

– Ну, что? Увидимся на спарринге, – сказал Выкидыш мне (и Японцу вдогонку), дослушав скучный анекдот до конца, и хлопнул меня по плечу.

Японец зарулил в кантину. Перед тем, как закрыть за собой дверь, бросил на нас с крыльца ещё один долгий взгляд.

– Сука! – зло сказал Выкидыш, когда дверь в кантину (магазинчик на территории лагеря) закрылась за Японцем.

– Сука, – подтвердил я. – Если он что-нибудь...

– Вряд ли! Я говорил тихо, а ты вообще молчал. На таком расстоянии и я со своим совершенным слуховым аппаратом ничего бы не разобрал. Но он понял, что мы с тобой не анекдоты травили...

Мизинец Хоббит всё-таки сломал. Он сидел на узкой койке и тупо смотрел, как Рэбэ перетягивает его стопу бинтом. Лось лежал пластом и смотрел в потолок. Наверное, он сейчас проклинал свою жизнь и мечтал о смерти. О смерти Японца само собой. Гуинплен читал свою толстую книженцию. Он всегда её читает. Понемногу, но регулярно. Я в неё никогда не заглядывал, не интересовался. Может, это библия? Посмотрев на меня поверх книги, Гуинплен ослабил и снова ехидно подмигнул жёлтым глазом. На этот раз дать ему в морду у меня желания не возникло. Я молча проследовал в душевую, стянул с себя гидрокостюм и залез под душ. Горячую воду израсходовали на себя мои «пятерочки», мне нужно было немного подождать, но ждать пока вода согреется, я не стал. Несмотря на то, что обед мы сегодня пропустили, есть совершенно не хотелось. Хотелось выпить.

От аванса у меня ни хрена не осталось, но деньги не проблема, я знал, кто мне может занять. И спиртное в кантине имелось, но торговали им только по субботам. Выбор спиртного был неплохим: несколько сортов пива, водка трёх-четырёх сортов, несколько коньяков, вино всякое. Из импортного – виски, джинн, тот же коньяк, ликёры. На любой вкус, но в меру – по одному пузырьку пошла в руки. Крепкие напитки по двести пятьдесят граммов, вино – по половине литра. В воскресенье вечером – шмон. Дежурный по лагерю, из инструкторов, изымал все остатки и публично выливал в раковину. Впрочем, обычно ничего не оставалось.

Так что, спрашивать, не завалилась ли у кого чекушка, я не стал. Прошёл из душа к своей койке, улёгся, закинув руки за голову, и стал думать.

Если Выкидыш прав, размышлял я, и ничего не напутал, то дембель, как говорится, не за горами. И вот! Новый, блин, поворот! И что он нам несёт? И куда он нас ведёт? Что дальше-то? Что дальше делать? Контракту хана? Снова в безработные? А заплатят ли нам неустойку по контракту, как там прописано? Ё-ё-ё!!

Я резко подскочил на койке. Все посмотрели на меня, как на припадочного. Я взял с тумбочки сигареты, зажигалку, и вышел из казармы, закуривая на ходу.

Мысль, промелькнувшая в моей не очень-то умной голове, была ужасна. Новый поворот вёл в никуда. Меня нет, я лежу в могиле, придавленный серой мозаичной плитой, на которой выбита моя фамилия, имя, отчество и две даты: первое мая одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года (дата моего рождения), потом тире, и ещё одна дата – та самая, которая стояла в подписанном мною контракте. Двадцать седьмое июня две тысячи пятого. Жизнь моя закон-

чилась двадцать седьмого июня сего года, сорок дней назад. Именно в этот день, подписав контракт, я подписал себе и смертный приговор заодно. Я уже сорок дней, как труп. И душа моя отлетела в рай или погрузилась в глубины чистилища. Можно смело поминки справлять!

Итак: я – труп. А зачем трупу деньги? Программа, о которой разговаривал по телефону Носорог, предполагала моё участие в секретных операциях, неизвестно кем финансируемых, после прохождения мною переподготовки в спецотряде. А если программа закрывается, то и я должен быть закрыт. Мы все должны быть закрыты. Нас убьют и закопают прямо здесь, в песчаной дальневосточной земле. В братской могиле.

Я бросил окурочек в ведро, вкопанное посредине курилки (он коротко пшикнул) и повернулся, чтобы вызвать из казармы Рэбэ и поделиться с ним своими мыслями. Но Рэбэ, закончив бинтовать ногу Хоббита, сам вышел на крыльцо.

– Что случилось? – спросил он, подойдя ко мне.

Я огляделся, так же, как это недавно сделал Выкидыш и всё ему рассказал. Рэбэ слушал внимательно, пощипывая щетину на подбородке. Когда я умолк, выложив всё, что узнал, и то о чём думал минуту назад, он сказал коротко и ясно:

– Надо линять.

Меня слегка удивила поспешность его решения.

– Ты со мной согласен? – спросил я. – Что нас здесь грохнут?

– Я предполагал подобное развитие событий. Мне с самого начала всё показалось странным. ООО это...

– Зачем же тогда контракт подписывал?

– А ты?

– Деньги нужны были, – со вздохом ответил я.

– Вот-вот. Тебе бабки нужны были, мне... кое-что другое. У каждого свои причины...

Линять сегодня нужно.

– Без подготовки? – удивился я.

– Тебя пять недель готовили. Мало?

– А еда? А оружие? Не с муляжами же в поход идти?

– Жрачки в лесу полно, а оружие... Пуля, говоришь, с Носорогом улетел? Это хорошо. Оружейка до его прибытия без контроля. Подломим оружейку, возьмём три автомата и три тесака, патронов побольше.

– Почему три?

– Пойдём втроём: ты, я и Гуинплен, – Рэбэ посмотрел на мою вытянувшуюся, недовольную физиономию. – Знаю, что ты его недолюбливаешь. Надеюсь, со временем ты своё отношение к нему изменишь. Гуинплен не только сильный, как Шварценеггер, он надёжный. Я этого парня, Хохол, лучше, чем тебя знаю. Ещё с первой чеченской компании. Я тогда командиром роты был, а он взводом командовал. Он мне дважды жизнь спас.

– А как же другие? Лось? Хоббит? Другие? Мы их здесь умирать оставим?

– Человек человеку – волк. Помнишь?

Я помолчал, потом заявил решительно:

– Выкидыш с нами пойдёт.

Рэбэ пожал плечами. Надо полагать, согласился.

Глава 2. Планы на отпуск

Андрей Олегович Инзарин, начальник отдела региональных продаж преуспевающей коммерческой фирмы с банальным названием «Энергетик», регулярно задерживался на работе допоздна. В его обязанности входило ежедневное составление отчёта по продажам: сколько продукции отгружено за сегодня, сколько оплачено наличкой, сколько отдано с отсрочкой платежа, сколько денег пришло на расчётные счета за ранее отгруженную продукцию – и всё такое прочее, касающееся обыкновенного коммерческого процесса. Составить такой отчёт заранее нельзя, только после того, когда будет удовлетворён последний клиент, когда закроются склад и касса, когда все менеджеры и торговые агенты разойдутся по домам, и когда тишину в отделе будут нарушать лишь редкие телефонные звонки, потерявшихся во времени клиентов.

А сегодня, помимо традиционного отчёта, Андрею нужно было ещё сдать дела Серёге Кривошапкину, которого он оставлял за себя всегда, когда уезжал в командировки или, что было значительно реже, если болел. Сегодня была пятница, рабочий день закончен, впереди выходные, а с понедельника Андрей уходил в отпуск на целых четыре недели. В такой долгий отпуск в «Энергетике» не уходил никто. Как правило, отпуска предоставлялись два раза в год – две недели летом и две зимой. Для Андрея сделали исключение, учитывая то, что он не был в отпуске четыре года, расщедрились – за каждый год дали по одной неделе отпуска.

Вот и сидел он за компьютером, составлял отчёт и нервничал. Нервничал, потому, что часто ошибался, а ошибался, потому, что торопился поскорее закончить с делами и начать медленное и приятное погружение в состояние человека, которому предстоит на целый месяц забыть о контрактах, прайсах, инвойсах, переговорах и прочей коммерческой лабуде. А ещё он нервничал потому, что знал: сегодня он обязательно получит выговор от отца.

Встреча с родителями должна состояться через час. Каждую пятницу, ровно в семь (время «Ч») у Инзариных-старших традиционный семейный ужин, опаздывать запрещено. Отец Андрея, Олег Алексеевич – генерал в отставке. Порядок и пунктуальность для него – понятия не то, чтобы святые, но к беспорядку в делах и мыслях, к отсутствию чёткости, к необязательности он относится очень болезненно. Он всегда негодует, когда Андрей опаздывает на назначенную им встречу. Потому что не понимает: как это возможно – не уметь грамотно распланировать своё рабочее время? Жаль, говорит, что ты у меня – пацифист. Армия, говорит, из тебя быстро бы человека сделала. Слово «пацифист» отец произносит с нескрываемой неприязнью. Андрей знает, что отец до сих пор не может простить ему его решения не поступать в военное училище, как на том настаивал отец, а подать документы в политехнический.

Это решение далось Андрею не просто, и если бы не мама... Кто знает: возможно, у Андрея неплохо бы сложилась военная карьера, как-никак отец генерал! Но с другой стороны – перспективы, которые открывала перед сообразительным и расторопным парнишкой рыночная экономика, манили его очень настойчиво. Перед ним выстелились две широкие и бесконечно длинные дороги, концами уходящие в неизвестность. Андрей топтался на развилке, не решаясь сделать первый шаг, а мама не стала ждать, когда авторитет отца подтолкнёт сына сделать шаг, который может оказаться роковым, и о котором в будущем её сын может пожалеть. Она сказала строго и убедительно, как всегда умела: «В армию я тебя, сынок, не пушу. Хватит нам в семье одного военного. Все эти учения, командировки, переезды бесконечные. А что в итоге? Язва, четыре инфаркта и два ранения. Слава богу, из Афганистана живым вернулся. Не хочу я такой жизни ни для тебя, ни для твоей будущей семьи! Ты у меня один-единственный. Если бы братик твой в живых остался, тогда... не знаю, может быть, и не пошла бы против воли нашего папы. А так – нет. Не пушу тебя в армию! Ни за что не пушу!». Брата у Андрея не было. Вернее он был, но умер, родился мёртвым вслед за живым Андреем. Через несколько минут.

В семье Инзариных о мертворождённом Алёшке помнили всегда. И он, Андрей, не забывал... «А как насчёт долга, как насчёт патриотизма?» – уже зная ответ, осторожно спросил Андрей. Мама горестно вздохнула: «Не нужны нынче России патриоты». Андрей посмотрел ей в глаза и сказал: «Подаю документы в политехнический. Но... если не поступлю...». «Поступишь» – уверенно сказала мама. «Ну а если?». «Значит, поступишь на следующий год. А чтобы тебя этой осенью и будущей весной не забрали, я уже с Софьей договорилась». Софья Абрамовна, лучшая подруга мамы, была главврачом военного госпиталя. Связи в медицинском мире были у неё железобетонные. У Андрея нашёлся огромный букет хронических «заболеваний», среди которых сколиоз был самым безобидным.

Военная карьера для Андрея закончилась не начавшись...

Алёна звонила уже трижды, последний раз – минут пятнадцать назад. Беспokoится, знает, что и ей не поздоровится. Свёкор обязательно скажет: «Плохо обеспечиваешь тылы. Если Андрюха задерживается на работе, значит, его голова занята чем-то посторонним. Он думает не о том, как быстро и рационально выполнить поставленную перед ним задачу, а о том, о чём, видимо, ты должна думать. Бери пример со своей свекрови. Я с ней жизнь прожил, а не знаю, как чай сладким делается. Потому и до генерал-майора дослужился. Она меня к домашним делам на пушечный выстрел не допускала. Её дело – хозяйство вести, моё – Родине служить. Ну и деньги, само собой, домой приносить». Алёна не спорит, головой кивает, не возражает старику, что она ведь тоже работает. Ну, не ходит, как все, на работу к восьми утра и не несётся, как угорелая, домой, едва часовая стрелка к пятёрке доползёт. Другая у неё работа. Писательница. Свободный художник. Свёкор сочинительство работой не считает, тем более, что ещё ни одной книжки Елены Инзариной в свет не вышло. Алёна пишет в стол, что называется. Разослала синопсисы своих рукописей по издательствам. Пока результат нулевой. Либо молчание, либо стандартный отказ: «Ваше произведение нашему издательству не подходит». Пока – это уже три года!

Три года... Алёшке, сыну Андрея и Алёны, шесть лет. Меньше, чем через месяц у него начинается взрослая жизнь – пойдёт в школу в первый класс. Можно было бы не торопиться со школой, дать ребёнку ещё годик побездельничать, но Андрей с Алёной решили твёрдо – пора. Ну и что, что семи Алёшке ещё нет? Семь будет в феврале. Подумаешь – какие-то пять месяцев с хвостиком! Алёшка к школе давно готов – читает уже бегло, и не детские книги, а журналы и газеты. Правда, мало, что понимает, зато вопросов задаёт – Андрею иной раз Алёну жалко бывает. Пишет она, пишет свои романы, шёлкает по клавишам, сюжетные линии обдумывает, и вдруг: «Мам, а что такое конвергенция?». «Что?» – не сразу понимает смысл вопроса Алёна. – «Ну, понимаешь...». Попробуй, объясни шестилетнему ребёнку, что такое конвергенция. Можно, конечно, отмахнуться. Мол, папа с работы придёт – объяснит. Но это опасно, так и уважение сына потерять можно. Элементарно. Это к папе, то к папе, глядишь – и вовсе к маме с вопросами обращаться перестанет. Поэтому нужно срочно переключаться с романа на реальную жизнь и объяснять, если знаешь, а если не знаешь или сомневаешься – лезь за словарём, выясняй и пересказывай своими словами прочитанное. Хотя, лезть за словарём никуда не надо, ни на верхнюю полку, ни во второй ряд книг, ни в нижний ящик письменного стола. Словарь уже давно на самом виду и всегда под рукой. К словарю приходится обращаться часто. Чего уж там – значения многих мудрёных слов, которых в последнее время появилось великое множество, мы не знаем, а если знаем, то не вполне уверены, что знаем их правильно. А ребёнку вкладывать в голову неточности нельзя.

Раньше, до рождения Алёшки, Алёна работала сначала корректором в газете «Дальневосточный комсомолец», а затем, после окончания филфака дальневосточного пединститута, редактором в одном из книжных издательств. Недолго она там работала. Издательство-скороспелка, которое возникло, казалось, только для того, чтобы выпустить десятитомник Алек-

сандра Дюма и трёхтомник Рафаэля Сабатини, просуществовало чуть больше года. Обанкротилось оно так же внезапно, как и возникло.

Сочинительством Алёна заболела, став мамой. Сначала она сочиняла сказки для Алёшки – короткие и смешные, похожие на анекдоты. Алёшка был первым благодарным слушателем (пока не стал читателем) маминых произведений. А когда сын освоил азбуку и осознал, что такое печатное слово, он с жаром накинулся на детскую литературу, на время забыв о маминых сказках. Алёне стало чего-то не хватать. Не сочинять она уже не могла...

...Резко и противно зазвонил межгород. Андрей поморщился и хотел встать, но Серёга Кривошапкин, который сидел за соседним компьютером и безжалостно расстреливал монстров, выползающих из всех щелей и бесчисленных боковых коридоров, поднялся первым. Сделав успокаивающий жест (сиди, мол, я сам всё сделаю в лучшем виде), он направился к звонящему телефону. Андрей снова погрузился в отчёт, но краем уха слушал разговор Серёги с неизвестным абонентом.

– Здравствуйте. Компания «Энергетик», слушаю вас... Очень приятно... Видите ли, у нас рабочий день уже закончен, и он ушёл домой... Да, разница во времени у нас с вами два часа... Да, да, я понимаю ваши проблемы... Нет, вы не правы, нам не наплевать... Я очень сожалею... – Серёга взглянул на Андрея, – но его тоже нет... Да, вы совершенно правы, пятница... Теперь только в понедельник... Да, да, можете звонить в восемь часов утра... У нас будет уже десять... А знаете что, вы лучше меня спросите... Сергей... Сергей Кривошапкин... Менеджер... Я прямо с утра займусь вашей заявкой... Конечно... В понедельник всё и решим... Да... Всего вам доброго... Жду вашего звонка... До свидания.

Молодец, Кривошапкин, подумал о Серёге Андрей, настоящий коммерсант. Университетов не кончал, но коммерсант замечательный, что называется – от бога. Цепкий. С клиентами разговаривает правильно – спокойно и вежливо, никогда не срывается, если даже клиент раздражён и позволяет себе говорить в оскорбительном тоне. О продукции, которой торгует «Энергетик» знает всё, что может интересовать покупателей. В документации и финансовых вопросах Серёга разбирается не хуже его, Андрея, начальника отдела региональных продаж, имеющего высшее экономическое образование. По объёму личных продаж Серёга на первом месте в отделе. Если рассматривать Кривошапкина как возможного конкурента, то, пожалуй, он – главный конкурент Андрея. И если Андрей позволит себе быть невнимательным, и хотя бы изредка будет допускать косяки в работе, то руководство компании не станет долго искать ему замену...

Кривошапкин положил трубку и, весело подмигнув Андрею, вернулся к компьютеру добивать оставшихся в живых орков. Андрей почти закончил с отчётом, осталось только распечатать.

– Кто это был? – спросил он.

Серёга назвал клиента.

– Матафоновский клиент, – вспомнил Андрей. – Чего хотел?

– Лёнька затянул с ответом на их заявку. Нервничают. У них там подготовка к зиме идёт полным ходом.

– Раздолбай!

Таким «лестным» эпитетом был награждён Леонид Матафонов, один из менеджеров отдела. Лёньку уже давно пора было выгнать за необязательность, забывчивость и безграмотное оформление документов. Да и с объёмами продаж у Матафонова было не ахти. Но он приходился генеральному директору «Энергетика», Сандалову Виталию Петровичу, каким-то дальним родственником, а с этим приходилось считаться.

– Вздрючь его в понедельник, – попросил Андрей.

– Угу, – пообещал Серёга, но Андрей ему не поверил. Серёга Кривошапкин не тот человек, он не будет дружить Лёньку, и требовать от него быстро решить вопрос со своим клиен-

том, он лучше по-тихому перетащит этого клиента на себя и будет грамотно его окучивать, увеличивая процентную составляющую своего заработка.

– Не знаешь, шеф уже ушёл? – спросил Андрей, вкладывая отпечатанные листочки отчёта в пластиковый уголок.

– Да-а-вно-о, – протяжно ответил Серёга. – Чего бы это Сандалетову в пятницу на работе засиживаться? Уикенд – святое дело... И Маринку с собой прихватил, – в голосе Кривошапкина прозвучали нотки не вполне объяснимой ревности, с Маринкой у него ничего не было. – Приёмная на замке. Из всех сотрудников фирмы только мы с тобой на посту. Да ещё охранники. Скоро придут нас выгонять... Ну, что, подбросишь меня ближе к дому?

Андрей кивнул и протянул Сергею уголок с отчётом.

– В понедельник утром передай Маринке для шефа.

– Бу сделано!

– В курс дела вводить нужно?

– Я в курсе. А чего не знаю, по дороге расскажешь...

Было без четверти семь, когда серебристый «Кариб» Андрея выехал с парковки напротив здания, в котором располагался офис «Энергетика», и с трудом вклинился в поток машин идущих настолько быстро, насколько позволяла плотность этого потока. Это была ещё не пробка, так как Андрей медленно, но всё же ехал, и на перекрёстках подолгу не стоял.

Вводить Серёгу в курс дела долго не пришлось. Практически обо всём, что касалось родного отдела региональных продаж, он знал: знал все проблемные ситуации, знал про все подводные камни, знал об отчётности, кому, что и в какие сроки представлять – не раз оставался за Андрея. Тем не менее, Андрей ещё раз повторил всё, что считал нужным, заострил внимание своего зама на основных рабочих моментах. Серёга слушал внимательно, а может быть, делал вид, что слушает, а сам думал о чём-то своём. Андрей изредка бросал на Серёгу взгляд и видел, что на губах инструкторируемого застыла лёгкая, едва заметная улыбка.

Андрей вновь подумал о Кривошапкине, как о человеке, который запросто может его подсадить. Проще всего это сделать, замещая своего начальника. Нужно только продемонстрировать руководству рвение в работе, ещё раз подтвердить тезис, что незаменимых людей не существует и мягко указать на ошибки всеми уважаемого начальника отдела. Не исключено, что у Серёги в загашнике есть пара-тройка Инзаринских проколов. Странно, но почему-то это мысль не напугала Андрея. Может быть, он просто устал? А может, инстинкт самосохранения заглушён давно уже возникшим разочарованием в том выборе, который он сделал, когда избрал карьеру коммерсанта? Что греха таить – не коммерсант он, Андрей Инзарин. Не торгаш! Всё чего он добился (не многого, если честно), всё – благодаря его исполнительности, работоспособности, уму и порядочности. Нет у него, у сына военного и у внука крестьянина, коммерческой жилки. У Кривошапкина есть, а у него нет. Может быть, прав был отец, когда настаивал на том, чтобы Андрей не маялся дурью, а поступал в военное училище?

– Здесь останови, пожалуйста, – попросил Сергей, когда впереди показался перекрёсток. Андрею нужно было ехать прямо, а Кривошапкину направо, ещё парочку остановок на трамвае. – Ну, что? Как говориться: счастливо отдохнуть! – Кривошапкин протянул руку, она показала Андрею влажной и... липкой что ли.

На семейный ужин у родителей Андрей опоздал всего-навсего на десять минут. Он бы вообще не опоздал, если бы не пришлось долго искать место для парковки (запарковаться удалось, только дождавшись, когда освободил место чёрный «Лексус») и если бы работал лифт в родительском подьезде.

Алёна с Алёшкой, конечно же, уже пришли. Дверь Андрею открыла Алёна, дежурно чмокнула его в щёку и тут же ушла на кухню, помогать маме. Алёшка сидел с дедом в обнимку на кожаном диване в гостиной, на коленях у Олега Алексеевича лежала красивая толстая книга с лощёными листами. На развороте были изображены военные всех родов и войск, облачённые

в парадную и полевую форму. Внук с интересом разглядывал изображения военных и внимательно слушал пояснения деда. Увидев вошедшего отца, Алёшка оторвался от созерцания картинок и весело заорал:

– Привет, отец! How are you?

– I'm ok, – улыбнулся Андрей.

– Не опоздать ты естественно не мог, – осуждающе заметил Инзарин-старший, пропустив мимо ушей аглицкий трёп сына с внуком.

– Здравствуй, папа. Извини за опоздание. Дела сдавал. – Андрей поглядел на часы, потом перевёл взгляд на стол, заставленный закусками. Посредине стола красовался маленький хрустальный запотевший графинчик с водкой и второй, побольше – с красным вином. Для Алёшки был предусмотрен и стоял в компании с графинами кувшин с мутноватым грейпфрутовым соком.

– А у нас уже всё готово, – объявила мама, войдя в гостиную. – Здравствуй, сынок.

По случаю семейного застолья на маме было красивое тёмно-зелёное бархатное платье, её любимое, и видно было, что сегодня она посетила парикмахера. За маминой спиной стояла Алёна, в руках она держала соломенное блюдо с хлебом. С кухни вкусно тянуло жареным мясом, похоже, баранина. Готовила мама классно. Андрей моментально почувствовал, что сильно проголодался, в обед ему удалось закинуть в себя только один хот-дог и чашку кофе со сливками.

Первый тост был как всегда за них за всех, за семью Инзариных.

Алёна чокнулась со всеми фужером с соком, она вообще почти не пила, а сегодня ей к тому же ещё и за руль.

Алёна получила права одновременно с Андреем, три года назад, когда они купили свою первую и единственную пока машину – Тойоту «Кариб». Но опыта вождения у неё было мало, автомобиль всегда был под Андреем, да и не любила Алёна это дело, говорила, что управление автомобилем – сугубо мужское занятие, а на самом деле, просто не верила в собственные силы и боялась дороги. Более или менее сносно она чувствовала себя за рулём, когда муж сидел рядом и в любую минуту мог что-то подсказать, прийти на помощь. А что ты будешь делать, если меня не будет рядом, спрашивал её Андрей, пешком всю жизнь проходишь? Ты всегда будешь рядом, отвечала Алёна. А если я заболею или умру? Не имеешь права. Ну а если? Не имеешь права, чётко, по слогам отвечала супруга...

Водка была холодной, а рюмка маленькой, Андрей не ощутил вкуса водки и, проглотив её, набросился на холодец, мамин фирменный.

– Ой! Про горчицу-то я забыла, – воскликнула мама и поднялась со своего места. Увидев, что и Алёна вскакивает, она опустила на её плечо свою тяжёлую руку и твёрдо сказала: – Сиди, Леночка. Я сама. В моём возрасте движение – это жизнь! Ты лучше за мужем поухаживай. Салат ему положи, рыбку, колбаску. Грибочков маринованных. Что-то наш Андрюшка совсем худой стал. Видать плохо ты его кормишь, не следишь совсем. Хорошо, что семейную традицию поддерживаете, приходите по пятницам. Хоть раз за неделю поест сыночек по-человечески.

Проходя мимо Андрея, мама не удержалась – остановилась за его спиной, наклонилась и нежно поцеловала в русую макушку. И повела носом, словно пыталась уловить среди ароматов дорогого парфюма тот самый родной, только ей одной знакомый с рождения запах своего единственного, любимого больше жизни ребёнка. Андрей скосил глаза и увидел, как изменилось лицо Алёны, услышавшей несправедливые обвинения свекрови. Внешне почти ничего не было заметно, но в карих глазах жены блеснула обида. В такие минуты Андрею было стыдно за себя. Не за маму, нет. Маму он понимал – все мамы одинаковы, впрочем, как и свекрови. Они любят, и считают, что так, как они, их ребёнка любить никто не может. И ещё они ревнуют. Это чувство существует в них помимо их воли. Такова природа... Андрею было стыдно за себя, за то, что он ничего не может с этим поделать. Он не может заставить маму по-другому

относиться к Алёне, он не может пресечь маминых редких, но колких и часто несправедливых замечаний в адрес своей жены. Единственное, что он может – это просто любить обеих женщин, таких разных и таких замечательных, каждая по-своему.

Когда мама с Алёной подали горячее (Андрей не ошибся, это была баранина), графинчик почти опустел. Отец потянулся к бару, за бутылкой, но мама сказала:

– На сегодня хватит. Андрюша пусть ещё выпьет, а тебе, Алик, уже достаточно. Вспомни о своём сердце.

– Да я чуть-чуть, – просящим тоном сказал Олег Алексеевич. – Полрюмочки...

– Нет. – Мама сказала, как отрезала. – Это приказ!

Олег Алексеевич вздохнул, но спорить не стал. Он хоть и мужчина, хоть и глава семьи, но человек военный, приказам вышестоящего командования привык подчиняться. Сказано нет, значит, нет. Это на службе он когда-то был генералом и сам отдавал приказы, а дома всегда считал себя рядовым бойцом, а теперь к тому же – демобилизованным бойцом.

Под баранинку Андрей допил водку. Он нисколько не захмелел, был совершенно трезвым, словно и не выпивал совсем, да и откуда ему, хмелю, взяться при такой закуске? Баранину в семье Инзариных уважали. Олег Алексеевич в начале своей военной карьеры долгие годы служил в Средней Азии – в Узбекистане, – а потом в Северокавказском военном округе. Воевал в Афгане. Так что баранина стала для него и для его семьи блюдом почти национальным. Андрей умял две порции, вызвав очередной взрыв материнской любви и сострадания к его «святым мощам». Алёна к баранине столь пламенных чувств не испытывала. Она была из местных, и предпочитала рыбу и морепродукты. Но из уважения съела маленький кусочек. Алёшка же вообще к мясу не притронулся, оставлял место для торта и десерта.

Пока женщины убрали со стола грязную посуду и недоеденные салаты, а мальчик смотрел мультики, Инзарин-отец и Инзарин-сын уединились в генеральском кабинете, чтобы передохнуть перед чаем (подождать, чтобы жирок завязался, как говорила мама) и предаться пагубной привычке – курению. Андрей с удовольствием закурил – в кабинете отца, перед камином, имеющем хорошую вытяжку можно. Разрешается. Естественно, при обязательном условии – дверь в кабинет должна быть закрыта. Во всех других помещениях, даже в туалете, нельзя, а в кабинете можно. Это было одним из элементов домашнего уклада, при котором главное – порядок и неукоснительное соблюдение установленных раз и навсегда правил.

Олег Алексеевич тоже вытянул из пачки сигарету, но курить не стал, только понюхал и засунул её обратно. Отец не курит уже три года. Бросил решительно и бесповоротно, по-военному. Без мук и сопливого нытья. Поводом к тому был четвёртый инфаркт и рекомендация военврача.

– Что у тебя на работе? – спросил Олег Алексеевич у сына, усаживаясь в широкое кожаное кресло в глубине кабинета, стоящее за огромным столом, похожим на бильярдный, благодаря такому же изумрудному суконному покрытию.

Андрей пожал плечами:

– Нормально...

Наверное, прозвучало неубедительно.

– Вижу, что не нормально. Что, начальство не ценит?

– С этим, мне кажется, всё в порядке.

– Что тогда? – настаивал отец. – Мало платят?

– Как везде: сколько заработал – столько и получил. – Андрей выпускал дым в каминную пасть. На отца он не глядел – боялся, что едва посмотрит ему в глаза, как тут же придётся во всём сознаваться. – Закон рыночной экономики: за красивые глаза никто платить не будет...

– Да уж, глаза у тебя, как у великомученика на иконе. Не нравится мне, как ты выглядишь.

– Устал просто. Вот отдохну месячишко...

– Вот об отпуске твоём я и хотел поговорить. Как планируешь отдыхать? Активно или пассивно?

– Особых планов нет, – пожал плечами Андрей, по-прежнему не глядя на отца. – Кроме одного небольшого планчика, я тебе рассказывал: мы с Алёной решили на недельку сгонять в Японию. Может машину посвежей и побольше присмотрим. Мама согласилась с Алёшкой неделю посидеть.

– «Джип» решил брат?

– Внедорожник, – поправил отца Андрей. – «Джип» – это американская марка. Конечно, в Японии «Джипы» тоже есть, но я хочу «Лексус» или «Хариер».

– Машина – дело нужное, – согласился Олег Алексеевич. – Но я, вообще-то не о машинах японских с тобой поговорить хотел... Когда, говоришь, вы на острова собрались?

– Числа двадцатого.

Отец придвинул к себе настольный календарь.

– А две недели перед поездкой, чем будешь заниматься?

– Особых планов нет, – повторил Андрей. – Может, к родителям Алёниным в Славянку прокатимся. – Он выбросил в холодную топку камина докуренный до фильтра бычок и повернулся к отцу. – Тёща по Алёшке соскучилась. Тесть на рыбалку зовёт – скоро кета пойдёт.

– А с отцом на рыбалку съездить не желаешь?

Прозвучавший вопрос был для Андрея настолько неожиданным, что он удивлённо вскинул голову. Олег Алексеевич испытующе смотрел сыну в глаза.

– Ты ж не рыбак! – сказал Андрей.

– А ты рыбак? – парировал Олег Алексеевич.

Андрей слегка растерялся. Молчал, не зная, что ответить.

– Тут такое дело, сынок, – как-то смущённо начал говорить отец. – Объявился мой однополчанин, мы с ним в Афгане воевали. Друзьями были хорошими, а потом нас жизнь в стороны развела. Сначала часто друг другу писали, потом реже, а потом... Бывает такое в жизни... Последнее письмо от него лет шесть назад получил. Каюсь: не ответил. Замотался. Потом очередной инфаркт, госпиталь. Потом в отставку ушёл...

«Ну, что он передо мной оправдывается? – подумал Андрей, – Я ему судья, что ли?»

Отец продолжал, спросил, с какой-то странной надеждой глядя в глаза сыну:

– Ты, наверное, слышал его фамилию от меня. Мы с мамой о нём говорили. Сидоров. Михаил Иванович Сидоров. Помнишь?

Андрей пожал плечами, не помнил он такого человека. Может быть, и слышал когда-то о нём, но забыл. А многое ли мы знаем о жизни своих родителей? Много ли запоминаем из их рассказов? Запоминаем мы лишь то, что когда-либо коснулось нас напрямую. Помним людей, бывающих у родителей в гостях, но не всех. Только тех, которые дарили нам игрушки и угощали какой-нибудь вкуснотой. Иногда мы помним их фамилии, иногда – имена и отчества, но чаще – лица. А потом и лица забываются. Свою жизнь – события, происходящие с нами, людей, с которыми мы встречаемся и расстаёмся – мы помним лучше. Потому, что эта жизнь – наша. А жизнь родителей всё-таки немного чужая. Родители наши, а жизнь чужая. Мы не можем повлиять на неё – вот в чём дело. Мы не можем выбирать тех, с кем нам интересно, кто нам приятен, как не можем повлиять на желание родителей общаться с теми, кто нам не нравится, и кого мы видеть не хотим. А уж что касается родительских воспоминаний и их разговоров о делах давно минувших дней, так это вообще очень долгие годы не кажется нам достойным нашего внимания. И только потом, когда мы достигаем того возраста, когда всё в жизни испытано и проверено на собственной шкуре, когда груз разочарований и потерь уже начинает понемногу перевешивать чашу весов, на другой половине которых лежат наши победы и находки, мы начинаем осознавать, что впереди – всё то же самое, те же радости и

те же печали, а позади осталось что-то нами не замеченное, мимо чего мы пробежали и даже не оглянулись.

– Я не помню, папа. Прости...

– Письмо я от него месяц назад получил, – продолжал отец. – Оказывается, он тут рядом обосновался. Егерем работает под Манжурском. Как и я – отставник. Уже два года как. А я ничего не знал... Может, съездим, сынок, а? Погостим недельку, порыбачим? И тещу с тестем успеешь попроведовать – у тебя перед Японией твоей ещё неделя останется.

Андрей был в явном замешательстве. Алёна так рассчитывала на этот его отпуск, хотела подольше побыть вместе, ведь всё-таки мало он уделяет ей внимания. Работа допоздна, командировки. Да и с родителями своими Алёна виделась уже давно, скоро год, соскучилась. Хотя Клара Захаровна (так в шутку называл тещу Андрей; на самом деле её звали Анной Анатольевной, но она была здорово похожа на одного из персонажей популярного ещё недавно телешоу), могла бы и сама почаще приезжать. Хозяйства нет, нигде не работает, днями сиднем сидит и сериалы про чужую жизнь смотрит. Тесть-то ясно – ответственный работник районной администрации, дел хватает. А вот теща могла бы порадовать дочку своим присутствием. Алёшка вторую бабушку практически не знает, зовёт по имени-отчеству.

– А что, Михаил Иванович один в тайге живёт? – спросил Андрей просто так, чтобы оттянуть момент принятия решения.

– С сыном. Игорем сына зовут. Ему примерно столько, как тебе.

– А семьи?

– Нет у них никого. Вдвоём. Жена Мишкина с невесткой и внучкой погибли в авиакатастрофе. Два года назад это как раз и случилось. Игорь после этого в отставку ушёл. Он тоже военным был, воевал в Чечне, потом в Подмосковье служил. С ним после этой трагедии какая-то история приключилась на службе, нехорошая история. Мишка подробно в письме рассказывать не стал, пообещал всё при встрече рассказать. Ну, в общем, теперь они оба отставники и оба егерями в тайге работают... Съездим? Для меня это важно.

В дверь постучались.

– Мужики! – Это была мама. – Кончай перекур. Самовар на столе.

– Идём, – отозвался Андрей, но выходить из кабинета не поторопился, посмотрел в ожидающие глаза отца и пообещал: – Съездим.

– Так может быть, прямо завтра с утра и...

Андрей улыбнулся. Олег Алексеевич привык ничего не откладывать в долгий ящик. Если всё решено – чего тянуть? Тревожный чемодан собран и лежит на антресолях, мама – верная солдатская жена – к подобным неожиданностям давно привыкла, а сам он, генерал Инзарин, всегда готов в поход.

– Хорошо, – согласился Андрей. – Завтра, так завтра. Как поедем?

– На внедорожнике естественно. Дороги у нас сам знаешь какие. Только, извиняй, не «Лексус». Козёл военный. Комфорта мало, но проходимость получше будет...

Глава 3. Рэбэ

До сорока лет дожил, а на Дальнем Востоке впервые. Везде побывать пришлось – и в Европе жил, и в Азии, и на Кавказе, даже в Африку судьба забрасывала. Нигде такой благодати не видал. Буйство природы. Симфония жизни. Для большей части России август – исход лета, его, так сказать, заключительный аккорд. Здесь в августе погожие дни только наступили. Совсем недавно небо прояснилось, солнышко тёплое, ласковое, доброе. Ни одного облачка на горизонте. Кусты, деревья и трава просохли наконец-то, нет этого тумана и солёной липкой мороси. Сейчас бы забыть обо всём, взять правее, к океану, искупаться в чистой океанской волне и повалиться на рыжем крупнозернистом песке, отдав своё разгорячённое и уставшее тело во власть морского бриза, превращающего солнечные лучи в вазелин, нет, не в вазелин, в крем для загара, и размазывающего, втирающего этот крем в кожу спины и плеч...

А Выкидыш оказался более выносливым, чем я от него ждал. От Хохла почти не отстаёт, шагает след в след, хотя у Хохла ноги вдвое длиннее. Первым я, конечно, поставил Славку. Он самый мощный, за ним идти, как за танком. Легко. Идём друг за дружкой, я сзади, маскирую следы как могу. Идти в тайге группой, пусть небольшой, но всё же, можно только так. Особенно, если опасаться преследования. А оно будет, чует моё сердце, догонят – в живых не оставят.

Куда мы идём? Все уверены – я знаю, куда нужно идти. А я не знаю. Сейчас главное – уйти как можно дальше от лагеря.

Ночью мы двинулись на юг, оставив обманный след, потом поднялись по Вонючке и пошли на север по каменному дну левого пересохшего притока нашей «любимой» речушки. Так на север и идём. На обманку потратили половину ночи. У меня были большие сомнения в том, что наши возможные преследователи купятся на простейшую обманку, но на изобретение более серьёзной, времени не было.

Интересно было бы посмотреть на Японца, когда он будет докладывать Носорогу о нашей самоволке! А, может, уже доложил? Шум вертолёта Выкидыш услышал часа два назад, ещё темно было. Вёз ли этот вертолёт Носорога, или это была какая-то другая вертушка? Сейчас шесть утра. По субботам и воскресеньям подъём в девять. Так что, наше отсутствие обнаружится часа через четыре, ну может, через три. Обычно, Японец, как и любой другой инструктор, по ночам по казармам не бродит, здесь не принято. Но кто его знает? В любом случае держаться надо поближе к густым кустам, открытые пространства не для беглецов.

Изредка, во время нашего марш-броска я давал команду остановиться и приказывал Выкидышу, как человеку с более тонким слухом, прозондировать тылы. Мы все замирали, а бывший Маркони шевелил своими локаторами. Потом ложился на землю и пытался уловить волны, идущие по ней. Всё было тихо. Один раз Выкидыш что-то уловил, и мы заняли оборону. Но это был кабан...

Славка, казалось, совершенно не устал, продвигался по этим джунглям так же быстро, как и в начале пути. Но аккуратно: веток не ломал и траву здорово не приминал. Славка – разведчик со стажем.

Тьфу ты, чёрт! Нужно определиться с именами. Не Славка, а Гуинплен, так безопаснее для всех. Пусть другие ничего не знают. Чем меньше знаешь друг о друге, тем меньше можешь выболтать, когда тебя будут допрашивать с пристрастием.

Гуинплен. Если я в мыслях буду называть Гуинплена Славкой, то рано или поздно оговорюсь, и все поймут, что мы с ним знакомы ближе, чем должны быть знакомы друг с другом курсанты спецотряда. Я и так уже Хохлу сболтнул лишнего.

Выкидыш резко остановился, и я ударился подбородком о его затылок. Выкидыш поднял вверх указательный палец левой руки, правой он держался за ремень автомата.

- Стоять! – тихо приказал я, и Гуинплен с Хохлом остановились.
- Вертушка, – сообщил Выкидыш. – Сзади.
- Точно? – спросил я. – Не ошибся?

Выкидыш отрицательно помотал головой:

- В нашу сторону летит.

Я огляделся. Мы находились в непроходимой тайге, но я хотел отыскать место ещё более кудрявое. Справа рос огромный орех лещина, обвитый виноградной лозой, под его широкую крону я усадил Выкидыша с Гуинпленом. Сам с Хохлом забрался в гущу кустов, растущих слева, максимально замаскировав наши следы. Передёрнули затворы автоматов, загнав патроны в патронники, и сидели тихо, как мышки. Через пару минут и я услышал шум винта. Посмотрел на Хохла и по тому, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих цевьё автомата, понял, что и он слышит.

Вертушка шла низко. Листья кустов, под которыми мы спрятались, забились в истерику, когда она пролетела над нами. Пролетела, а потом ушла на восток, к океану. Мы сидели ещё минут десять, пока шум винтов не стал едва различимым. Видимо, не заметили. Но искали нас, это точно! Наша вертушка! Номеров я, естественно, не разглядел, но жёлто-зелённые полосы на промелькнувшем фюзеляже увидел.

- В лагерь полетел, – тихо подал голос Выкидыш из-под лещины.

– А может, на пляж? – попытался пошутить Хохол. – Погодка сегодня, судя по всему, классная будет.

- Ага, – согласился Гуинплен. – Жарко будет... судя по всему.

Не думаю, что Гуинплен хотел Хохла зацепить, скорей всего он сам с собой разговаривал, но я увидел, как сверкнули в тени кустов глаза Хохла. Но сдержался Хохол. Пока держится, молодец! Нужно бы примирить их как-то, нужно бы какие-то слова найти, но я не смог, думал о том, что дальше делать. Хохол подсказал:

- Пожрать бы. Всю ночь ничего не ел.

– А это? – Я указал на свисающую гроздь винограда. – Чем тебе это не еда? Глюкоза, фруктоза и прочая сахароза. – И я сам оторвал ягодку от грозди. Виноград был чёрным и без косточек, но мелким и кислым – глаз вырвет!

- Идите к нам, – позвал Выкидыш. – У нас орехи!

- А у нас глюкоза с сахарозой, – серьёзно ответил Хохол. – Но они немного кисловатые.

– Виноград и у нас есть, – сказал Выкидыш, – если ты его имеешь в виду. И ещё на стволе грибы какие-то. Интересно, их сырыми есть можно?

Неизвестные никому грибы есть не рискнули, да и от винограда пришлось отказаться. Мы с Хохлом перебрались к орехам поближе, и минут пять под лещиной раздавалось щёлканье, хруст и наше дружное чавканье.

- Слышь, Рэбэ, – спросил меня Хохол. – А орехи это пища кошерная?

- Не знаю.

– Как это, ты не знаешь? – не унимался Хохол. – Ты ж еврей. Должен знать. Любой еврей кошерную пищу от некошерной отличать умеет.

– Я – русский еврей. Да и вообще я не еврей. У меня отец еврей, а мать русская. Если бы наоборот...

- То ты бы сейчас арабов мочил в секторе Газа. Или они тебя.

– Я бы сейчас по миру разъезжал со скрипичными концертами. Дурак, не слушал своего папу-скрипача... Ну, всё, – я встал и поправил автомат за спиной. – Завтрак окончен. Пора в путь-дорогу.

И тут мы услышали эхо далёкого взрыва. Потом ещё одного. А потом ещё три взрыва прогремели почти одновременно. Звуки взрывов донеслись со стороны покинутого нами лагеря.

- Пять, – сказал Выкидыш, и у него затряслись губы.

– Пять взрывов – пять казарм, – проявил чудеса смекалки Хохол. – Пипец нашему лагерю...

– Всех взорвали! – Выкидыш чуть не плакал. – Спящими.

– А ты чего ждал? – спросил я со злостью. – Ты думал, что они будут дожидаться пробуждения двух десятков тренированных злодеев вроде нас с тобой?

Выкидыш не счёл нужным мне отвечать или не смог ответить. Лицо его застыло и стало похожим на восковую маску со стеклянными неживыми глазами. Я отчётливо увидел печать смерти на его лице и понял, что наш доблестный Викинг не жилец, что обречён он на скорую смерть. И ещё я подумал о том, что в спецотряд Выкидыш попал совершенно случайно. Ну и дурак! Ему бы чем-нибудь мирным заниматься, часовым мастером работать или шеф-поваром. Мы-то в спецотряде не по случаю оказались, мы контракт подписали, как само собой разумеющееся. Судьба у нас такая. А куда нам ещё, ежели не в пекло? Мы все – солдаты удачи, а удача приходит не часто. Мы не знаем, когда умрём и надеемся, что ещё не завтра, но смерть уже давно нас облюбовала и только ждёт удобного момента, чтобы прибрать нас к себе. Вряд ли кто из нас умрёт дома в окружении членов семьи. Да и семей то у нас нет и быть не может. Мы сами выбрали такую судьбу, а может, и не выбирали ни черта, может, просто кому-то нужно, чтобы по Земле бродили злые, жестокие и неприкаянные отморозки вроде нас, убивающих за деньги. Для баланса. В противовес праведникам.

Я прислушался к себе: жаль ли мне погибших в лагере? В зачерстневшей моей душе была пустота. Нет, мне не жаль их. А почему я должен горевать об их смерти? Они – не дети неразумные, они – солдаты удачи, такие же, как мы. Только нам повезло, а от них удача отвернулась. Минуту назад... И не обязан я себя в этом винить! Каждый из них сделал свой выбор. Каждый. А как нас учили? Каждый сам отвечает за свою жизнь. Человек человеку – волк. И не Носорог нам эту истину в головы вбил, мы её сами открыли. Давно. Когда от пуль уворачивались и в окопах от них прятались, когда пайку свою добывали, чтобы с голода не подохнуть, когда выбор между жизнью и смертью делать приходилось... Но, что это я? Расфилософствовался! Может, не пуста моя душа? Может, в ней ещё не всё обуглено? Может, живёт ещё в ней эта... как её? Совесть. Может, я этой своей философией себя оправдать пытаюсь? То, что от погибших товарищей по несчастью информацию утаил? То, что оставил их умирать, а сам ушёл? Один. Ну почему один? Вон, Гуинплена с собой увёл, Хохла. Того же Выкидыша... Вру! Ведь вру же сам себе. Гуинплена взял, потому, что с его помощью выжить собирался. Хохла – потому, что он мне о готовящейся акции рассказал. А Выкидыша – потому, что Хохол настоял...

Так. Всё. Хорошо философствовать! Пора шкуры свои никчёмные спасать.

Я оглядел своё воинство: Гуинплен грыз орехи, смерть тех, кого мы оставили в лагере, его тревожила ещё меньше, чем меня. Выкидыш продолжал стоять, как истукан. Хохол приводил амуницию в порядок и старался ни на кого не смотреть.

– Куда направим стопы свои? – мрачно спросил он.

– На запад. Вглубь лесного массива. Отдых через каждые два часа пути. Открытые места обходим стороной. Водные преграды форсируем после проведения разведки... Идём в том же порядке... Гуинплен, вперёд.

Я шёл замыкающим, маскировал наш проход и мысленно восстанавливал в памяти карту дальневосточного побережья. Карту я более или менее вспомнил, но что толку? Где мы сейчас находимся, я же не знал. На вертушке, на которой меня доставили в лагерь из Уссурийска, иллюминаторы были задраены железными шторками. По времени полёта получалось, что лагерь расположен километрах в трёхстах от Уссурийска, и это при условии, что мы летели по прямой. Но в каком направлении? Строго на восток? На юго-восток? На северо-восток? А, может, вертолёт летел зигзагом? По прямой от Уссурийска до побережья, если лететь на восток километров... а чёрт его знает, сколько километров от Уссурийска до побережья! Я ж не географ! Да и зачем нам Уссурийск, что я к нему привязался? Нам в Уссурийск нельзя. Нас там

без документов мигом задержат. А кто его знает, может, у наших, так называемых, работодателей в Уссурийске этом всё схвачено? Да, скорей всего, так и есть... У нас теперь главная задача – не попасться. Потом надо отсидеться где-нибудь, разжиться документами. А документы либо за деньги можно получить, либо за услуги. Ясно, какие услуги мы можем предложить. И кому.

Я посмотрел на часы – два часа прошло.

– Братва, привал, – скомандовал я, и Выкидыш сразу отошёл в сторону, чтобы я на него снова не наткнулся. Отойдя, упал как подкошенный, отбросив от себя калаш. Видать крепился, а сам шёл из последних сил.

– Деньги есть у кого? – спросил я.

Хохол тихо заржал:

– Ты чё, Рэбэ, в магазин решил сходить?

– Деньги на паспорта понадобятся, – пояснил я, – когда мы до цивилизации доберёмся.

Самым запасливым оказался Выкидыш. Аванс, полученный при подписании контракта, он сохранил почти полностью, потратил только полтинник. У Гуинплена осталась сотня баксов, у Хохла не было ни цента, у меня двести долларов двумя бумажками и любимая американцами купюра – двадцатка. Итого семьсот семьдесят долларов. Не густо. Но у нас есть четыре автомата и четыре десантных ножа, да Хохол прихватил тэтэшник, а Гуинплен – арбалет. Всё это богатство на четыре липовых ксивы обменять в принципе можно.

Гуинплен разыскал в высоком папоротнике с десяток переросших и сильно червивых белых грибов. Хохол поймал ужа. Орехов и здесь было много, но на орехи охотников не оказалось. Зато тут рос шиповник, плоды его были крупные и безвкусные, но вполне шли в пищу. Разводить огонь я запретил, хоть никто и не предлагал это сделать, все понимали, что можно, а чего нельзя. Не новички. Разве что Выкидыш, но он вообще лежал на траве, смотрел в небо и молчал, думал, небось, какие мы сволочи. И он в том числе.

Тишину тайги нарушали только естественные лесные звуки, ничего постороннего, механического. Может быть, нас искали в другом направлении, а может, решили наплевать. Нет, это вряд ли...

– Эй, Викинг, – позвал я. – Так нельзя. Нужно жрать, чтобы у тебя силы были. Станешь выдыхаться, смотри... нам якоря и грузила не нужны.

Выкидыш привстал на локтях и, дерзко взглянув мне в глаза, спросил:

– А то что, пристрелишь?

– Пристрелю, не сомневайся, – пообещал я.

– А что тянуть? – вскинулся, как на пружине, Выкидыш. Глаза его пылали ненавистью, по небритому подбородку текла слюна. – Давай сейчас. А может, спарринг проведём? С применением подручных, – в его руке сверкнуло лезвие тесака.

Я и опомниться не успел, как Выкидыш оказался снова на траве, рылом вниз. Рука с клинком была заломлена назад, а на его широкой спине восседал Гуинплен.

– Зря ты это затеял, Выкидыш, – рассудительно произнёс Гуинплен и аккуратно отнял у него тесак. – Нам куда ссориться нельзя.

– Отпусти, кабан, – задыхаясь и отплёвываясь травой, выдавил из себя Выкидыш. – Отпусти, сказал.

– Рыпаться не будешь?

Выкидыш промычал что-то маловразумительное. Гуинплен посмотрел на меня, взглядом спрашивая разрешения.

– Отпусти, – сказал я.

Выкидыш, тяжело дыша, встал на ноги.

– Я виноват в твоих бедах? – спросил я у Выкидыша. Он молчал. – Что я сделал не так? Что ты на меня окрысился? Я тебя с собой не звал, тебя Хохол позвал. И ты пошёл, а мог бы остаться. Сейчас бы уже больше двух часов находился в Раю. Хотя, вряд ли в Раю. Нам всем

место в другой организации. Её по-разному называют: ад, чистилище, преисподняя, геенна огненная. Слышал о такой организации? Там нас ждут. Там вообще всем грешникам самое место. Туда бы ты и попал. Ведь ты же грешник, Викинг? Конечно, грешник. Иначе, почему ты с нами? Почему ты не дома, с женой любимой и с тещей? Ты грешник, Викинг. Ты такой же, как мы. Ну, может, не такой же, может, твой грех меньше нашего. Но это сути дела не меняет... Ну да, мы грешники со стажем. У нас у каждого на совести не один десяток мертвяков. Но мы этого не стыдимся, не рвём на себе волосы, не корчим из себя праведников или раскаявшихся проституток. Какие есть, такие есть!.. Хохол, дай закурить.

Хохол протянул мне кривую мятую сигарету и щёлкнул зажигалкой.

– Давай, Викинг так поступим, – примиряюще сказал я, без удовольствия затягиваясь кислым дымом. – Тех, которых Носорог со своими подручными взорвали, уже не вернёшь. С этим надо смириться и не рвать себе нервы. И нас пожалей, нам нервы тоже ещё пригодятся. Неизвестно, удастся ли выжить? Может, придётся тех, других, догонять. Так что, хочешь, не хочешь, а мы не враждовать, а помогать друг другу должны. Сейчас нам надо добраться до какого-нибудь населённого пункта, где могут проживать нужные люди, я бандитов имею в виду, а там можешь валить на все четыре стороны. Можешь в монахи подаваться, грехи замаливать. Можешь в ментуру идти... Хотя, этого я тебе не советую делать.

Гуинплен протянул Выкидышу гнилой гриб, Выкидыш взял его и принялся меланхолично жевать, не обращая внимания на беленьких червячков, выползающих из шляпы. Так же меланхолично он сжевал и кусок ужа.

Понимая, что для дальнейшего продвижения по тайге нам надо немного восстановить силы я приказал всем спать. Целый час. Дневальным определил Хохла, незаметно подмигнув ему, чтобы за Выкидышем присмотрел. Гуинплен тут же уснул, наверное, он спал уже в тот момент, когда опускался на землю. Я, засыпая, услышал, как Выкидыш спросил у Хохла:

– А ты, скольких человек убил?

– Не человек, а чичей, – справедливо поправил его Хохол. – А хрен бы я этих зверьков считал? Штук сто, наверное... Спи, давай. Будешь тормозить, я тебя лично пристрелю... Ладно, не ссы, шутка.

Час сна – это для обычных людей, как слону дробина. Для нас, профессиональных боевиков, часа достаточно. Мы привыкли сон на потом откладывать. Если сложить все часы, отложенные на потом, года три натикает. Не меньше... Все, кроме Выкидыша, выглядели бодрыми. Даже Хохол, хоть он и не спал.

Через час пути я заметил, что тайга стала какой-то низкорослой и редкозубой. Да и идти стало значительно легче, причиной тому была трава – раньше она была по пояс, теперь едва доходила до колен.

– Впереди поле, – сообщил Гуинплен и остановился.

Я подошёл к нему, приказав Хохлу и Выкидышу спрятаться под кустами. С Гуинпленом мы дошли до края лесного массива и осмотрелись. Перед нами действительно расстилалось кукурузное поле. Кукуруза была чахлая, кое-где не взошла совсем. Сквозь тонкие бадылки с кисточками на кончиках проглядывалась просёлочная дорога, рассекающая поле на две неравные половинки. Дорога была ближе к нам и тянулась с юга на север (или с севера на юг), она выходила из леса, и в лес уходила.

– В какую сторону двинем? – спросил Гуинплен.

– На юг, – уверенно сказал я, хотя полной уверенности в том, что я принял верное решение, у меня не было.

– Хоккей, – сказал Гуинплен.

Мы краем леса подошли к южному концу дороги, и пошли по ней на юг. После леса ходьба по дороге казалась нам приятной прогулкой. Я даже решил ускориться и приказал

бежать, но вскоре от этой затеи пришлось отказаться, потому, что наш топот заглушал все остальные звуки. Правильно я сделал.

Снова отличился Выкидыш, он первым услышал догоняющую нас машину.

– Дизель, – определил он.

– Рискнём? – спросил Гуинплен.

Я кивнул. Ехать лучше, чем идти.

– Чё за дизель? – спросил Хохол.

– КамАЗ, скорей всего, – уверенно ответил Выкидыш. – Или МАЗ. Грузёный. Тяжело идёт.

Скоро мы и сами увидели. Вопреки обещанию Выкидыша, это был не КамАЗ. И не МАЗ. «Исузу» с красной кабиной тащил на жёстком сцепе серый двадцатифутовый контейнер. Выкидыш смущённо пожал плечами.

Я снял автомат и поднял руку. Водитель тягача, издали увидев вооружённых людей, рисковать не стал, остановился. А я церемониться не стал, поманил его пальцем, держа на мушке, приказал выйти из машины. Гуинплен открыл дверцу пассажира и забрался в кабину.

– То, что надо, – крикнул он мне через секунду. – Спальник большой, два пассажирских. Места всем хватит.

– Ты что, один едешь? – спросил я у водилы. – Без напарника?

Он кивнул и шмыгнул носом. Водила был совсем молоденький, он испуганно глядел на наши бандитские рожи, на грязный, изорванный камуфляж, на тускло мерцающие дула автоматов, стучал зубами и, наверное, мысленно прощался с жизнью. Я понял это и успокоил парня, сказав:

– Будешь себя правильно вести, ничего с тобой не случится. И с грузом всё в порядке будет, мы не грабители. А что везёшь-то, кстати?

– Б-б-б, – стал заикаться парень.

– Бабло? – предположил Хохол и заржал.

– Б-б-бытовую технику, – с трудом выдавил из себя водила.

– Ну, всё, успокойся, – ободряюще сказал я. – Как тебя звать то?

– С-семён. А вы кто?

– Арендаторы, – Гуинплен подошёл к Семёну и хлопнул его по плечу. – Хотим арендовать твой автомобиль. Вместе с тобой, если ты не против. Куда путь держишь?

– В Манжурск.

– Нам по пути, правда... господин полковник? – Гуинплен посмотрел на меня.

Я утвердительно кивнул головой, хотя понятия не имел, где этот Манжурск находится, и спросил у Семёна:

– У тебя карта есть?

– В бардачке.

– Принеси-ка.

Карта была старенькая, грязная и затёртая, склеенная на сгибах скотчем. Я бы ни за что не нашёл на ней Манжурск, если бы название этого населённого пункта не было обведено чёрным фломастером.

– Манжурск – большая деревня? – спросил Хохол.

– Манжурск – город! – в словах Семёна прозвучала обида, и я понял, что родом он из этого самого Манжурска. – Почти сорок тысяч населения.

– Ого! Почти сорок! – Мне очень сильно захотелось в Манжурск. Манжурск – это то, что сейчас нам было нужно. Наверняка в этом заштатном городишке милиция бездействует, а мэр – фигура чисто номинальная, всем заправляют бандиты. Бандиты – ребята простые и бесхитростные, с ними легко будет договориться, мне уже приходилось как-то пару раз общаться с представителями криминальных структур подобного масштаба. Да и до Уссурийска далеко-

вато. Не думаю, что у Носорога и его хозяев в Манжурске имеется представительство этого грёбаного общества с ограниченной ответственностью.

– Мы где сейчас?

– Вот, – Семён ткнул заскорузлым пальцем в карту. – До Манжурска полсотни километров, или около того. За час доедем.

– Так какого ж мы стоим? – удивился я и scomандовал своим орлам: – По машинам!

Хохла, как наиболее шуплого, а Выкидыша, как менее длинного, я определил в спальник. Мы с Гуинпленом уселись на пассажирские сидения рядом с Семёном. Ехать лучше, чем идти, а что самое главное в нашем положении – быстрее. Семён ещё не вполне оправился от испуга, и всю дорогу шмыгал носом и искоса поглядывал на Гуинплена, сидящего рядом с ним.

– У тебя платок носовой есть? – спросил его Гуинплен.

– Не-а, – ответил Семён и громко шмыгнул в подтверждение.

Гуинплен достал из внутреннего кармана новый отглаженный платок и протянул водиле:

– На-ка, высморкайся. А то у меня у самого сейчас насморк откроется.

Впереди показались какие-то мрачные строения из почерневшего от времени кирпича, соединённые меж собой наклонными галереями.

– Что это? – я указал рукой на строения.

– Бывший завод железобетонных изделий, – ответил Семён. – Уже одиннадцать лет не работает, и никому дела нет. А ведь был градообразующим предприятием! Чуть не весь Дальний Восток железобетоном обеспечивал. Махина! Считай, половина Манжурска на нём трудилось. – По всему было видно, что Семёну далеко не безразлична судьба завода, ставшего жертвой перестройки. Одной из многих. Семён даже заикаться перестал, рассказывая о печальной кончине завода. – Обанкротили, суки! И растащили по частям. Директор завода, Пекарь Иван Иванович, по началу-то что-то сделать пытался, в Москву летал, с чиновниками разными встречался, с самим премьер-министром. Только им всё по фигу... Чего им какой-то заводшко, если всю страну под разграбление отдали?

Семён снизил скорость и достал из бардачка грязную пачку «Примы». Закурил. Справа от нас была тайга, слева – территория бывшего завода. Часть бетонных плит периметра завалилась внутрь. Заводик был небольшой. Семён явно приврал, уверяя нас, что этот ЗЖБИ обеспечивал железобетоном чуть не весь Дальний Восток, в лучшем случае, он закрывал потребности района. Картина была унылой. Тайга перепрыгнула через дорогу и затянула молодой порослью всё пространство. Зелёные кусты росли даже на крышах галерей. Цеха зияли проломами, а стены административного корпуса угрюмо пялились на нас чёрными и пустыми глазницами окон.

– Ну, и где он теперь? – поинтересовался я.

– Кто?

– Пекарь твой.

– Иван Иванович? – зачем-то уточнил Семён. – А кто ж его знает? Может на Канарах, если Москва ему денег дала. А может в земле сырой. Как последний раз в Москву улетел, так и не возвращался.

– А семья директорская?

На мой вопрос Семён ответить не успел. Откуда ни возьмись, прямо перед нами появилась вертушка. Вылетела справа из-за леса и зависла над дорогой, метрах в пятидесяти от машины. Наша вертушка, с жёлтыми и зелёными полосами на сером фюзеляже. Семён от неожиданности резко ударил по тормозам, и Хохол свалился на наши с Гуинпленом головы. Хорошо, что это был Хохол, а не Выкидыш, хорошо, что Семён ехал медленно, и ещё хорошо то, что шеи у нас крепкие.

– Ты что!.. – Хохол нехорошо обругал Семёна. – Вчера за баранку сел? – и заткнулся, увидев вертушку.

– Картина Репина, – произнёс Гуинплен. – Каковы наши действия? Сделаем вид, что не заметили и поедem дальше?

Вертушка задрала хвост, и пулемётчик врезал очередь по полотну дороги перед кабиной тягача, щёбёнка с дороги шрапнелью пробарабанила по капоту и лобовому стеклу.

– Нам предлагают выйти из кабины, – прокомментировал я действия тех, кто управлял вертушкой, и огляделся.

Напротив того места, где остановился «Исузу», забора не было. В десятке метров от нас стоял цех, стена которого была проломлена. Видать, искусственный проём сделали для того, чтобы вытащить из цеха что-то, имеющее крупные габариты и определённую ценность. Тянуть резину смысла не имело – те, в вертушке, наверняка уже нас разглядели. А раз так, то...

Я сказал Семёну тоном приказа:

– Когда дам команду, вываливайся из кабины и чеши в тайгу.

Потом повернулся к Хохлу и сказал ему:

– Поливать начнут сразу, как мы с Гуинплем выберемcя из кабины. Под пули не лезь.

Действуй по обстоятельствам.

Гуинплему что-то объяснять не надо было.

– Вперёд!

Мы с Гуинплем оказались проворнее пулемётчика – пули свистели за нашими спинами. В пролом мы влетели одновременно.

– Не зацепило? – озабоченно поинтересовался Славка.

– Нет. А тебя?

– Цел.

Я осторожно выглянул из пролома. Пулемётчик расстреливал кабину «Исузу», пули легко прошивали её насквозь. Кранты Хохлу с Выкидышем, подумал я и тут же увидел их, здоровых и невредимых, спрятавшихся за передним колесом тягача. Хохол отстреливался. Молодцы, правильно выбрали момент – перебрались из кабины в укрытие, пока пулемётчик занимался мной и Гуинплем. Я не стал ждать, когда пилот начнёт разворот, чтобы зайти сбоку, выпустил длинную очередь по кабине вертушки; Гуинплен отстал от меня только на секунду. Попали! Я или Славка, а может быть Хохол? Какая разница? Стёкла кабины брызнули сверкающими осколками. Вертушка резко вскинулась вверх и, заваливаясь на правый борт, пошла на нас.

– Твою мать! – заорал Гуинплен и кинулся в глубину цеха.

Я тоже побежал, но в другую сторону. Чтобы у Славки желание не возникло меня своим телом закрыть. Сделал я не больше десятка скачков, когда за моей спиной раздался взрыв, и сверху рухнуло всё, что только могло рухнуть на мою бедную еврейскую голову. Последней моей мыслью была мысль о Семёне. Не о своих друзьях-товарищах по несчастью, не о себе самом.

Удалось ли парню добежать до леса, подумал я...

Глава 4. Андрей

С Алёной удалось договориться удивительно легко.

– Хорошо, съезди с папой, – согласилась она после минутного раздумья, когда я сообщил ей об отцовской просьбе. – Я же понимаю, на две половинки ты не разорвёшься. А вернёшься – к моим съездим.

Я понимаю... А в голосе обида. Давно прошли те времена, когда важен и понятен был только смысл сказанного. Я теперь всегда знал о её настроении и без слов. Слова даже мешали. Они не всегда соответствовали действительности, а иногда несли информацию противоположную истинной. Я ощущал любую перемену в настроении любимой женщины. Я чувствовал, что ей нравится, а чему она не рада. Моему завтрашнему отъезду она рада не была.

С Алёной мы женаты семь лет, а живём почти восемь.

Семь лет... Считается, что первые семь лет – самые трудные, чаще всего в течении этого срока большинство браков дают трещины и многие семьи разрушаются. Так что, можно сказать, самые хрупкие годы у нас уже позади. Правда, некоторые называют более продолжительный срок – десять лет. Но я думаю, что и десять нам по плечу. Мы любим друг друга, и это правда, я не пытаюсь заменить слово «привычка» словом «любовь». Наши отношения не вошли в привычку. Мы любим друг друга также нежно и ревниво, как и вначале. Мы скучаем, когда не вместе, мы так же мучительно ждём встречи и так же счастливы, когда она происходит. Мы ревнуем... Иногда, не часто, но бывает. Ревнуем потому, что любим. С сексом у нас тоже всё в порядке. Я вижу и знаю это. И не только по своим ощущениям. Я ни сколько не преувеличу, если скажу, что эти семь лет мы прожили душа в душу. Думаю, что не все семьи счастливы так, как наша. Кто-то находится в перманентном состоянии войны друг с другом. Кто-то придерживается в семейных взаимоотношениях суверенитета. Мне кажется: суверенитет – это самое плохое, что может быть, уж лучше война. Что такое суверенитет? Независимость. У каждого свой личный кошелек и своя личная жизнь. О какой семье здесь можно говорить? Деловые отношения, а не семья. Нет, лучше уж война.

Алёшка за вечер раз десять менял свои планы. То он изъявлял желание остаться у деда с бабой, то хотел поехать домой и поиграть на компьютере, потому, что у деда компьютера нет, а ему именно сегодня удастся пройти на четвёртый уровень. То вспоминал, что книга о воинских различия осталась не до конца изученной, то вспоминал, что и дома у него лежит недочитанный Жюль Верн. В конце концов, деду удалось уговорить внука остаться и погостить ещё, пообещав научить его разбирать и собирать именной «Макаров». Какой мужчина не любит оружие? Тем более, настоящее, а не игрушку! На пороге отец подмигнул мне – жёнам о завтрашней поездке решено было рассказать после нашего с Алёной ухода, чтобы они не смогли объединиться в своих усилиях и уговорить нас никуда не ехать. Об этом мы с отцом договорились во время второго перекура. Папуля решил схитрить и свалить всё на меня. Мама в лёгкую могла запретить ему эту поездку, используя основной аргумент – четырежды травмированное отцовское сердце. А так – моя идея, а меня нет, некого убеждать. Мама знала, что отец ни за что не откажет мне в моей просьбе. Знала и мирилась, взяв с него обещание, беречь себя и не пить больше того, чем ему было разрешено. Отец знал, сколько ему разрешено, а дав слово, он его держал. Мне выпала нелюбимая роль – роль соблазнителя, к тому же малодушного. Ну да ладно, потом мы всё равно признаемся – расскажем, как оно было на самом деле. Такое уже бывало, отец иногда прибегал к подобной военной хитрости. В том, что я уговорю Алёну, отец не сомневался.

– Только ты уж постарайся не задерживаться, – попросила Алёна. – Я буду скучать.

Я заправил прядь её светлых волос за ухо, нежно поцеловал открытую шею и прошептал: – Я хочу тебя.

Алёна вздрогнула и слегка отстранилась.

– Я управляю транспортным средством повышенной опасности, если ты забыл, – лукаво улыбнулась она. – Водителя во время движения отвлекать запрещается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.